СТАЛИНСКАЯ ТАРЕЛКА. С ЗОЛОТОМ

Гриша Брускин поднимает фарфоровое дело в России

Михаил Сидлин

Фарфоровый проект Гриши Брускина показан в Москве впервые. «Всюду жизнь» – это выставка в Пушкинском музее, которая представляет его серии «Алефбет», «Букварь», «Фрагмент», «Азбучные истины», «На краю», «Фундаментальный лексикон». Они переведены в совершенно новый для художника материал – фарфор – на Дулевском заводе. Образы традиционны для художника, два их источника – советское массовое искусство и предания глубокой еврейской старины. Теперь эти образы Брускина увековечены на декоративных тарелках, и персонажи художника обрели объем в серии фарфоровых скульптур «Всюду жизнь». Это не первый опыт его работы с объемным изображением, но его металлические фигуры в России не были показаны. Гриша Брускин давно живет в Нью-Йорке, он редко выставляется в Москве (его предыдущий проект в Пушкинском музее – «Генеральная инструкция» – дело 1993 года). Выставка открыта только до 4 ноября.

НАПИСАНО: «Глеб Вышинский приносил мышь». А нарисован Лев Толстой, который дает азбуку детям. Это из серии «Букварь» – такие черно-белые рисунки на белоснежном круге, а по бортику – тексты Льва Рубинштейна («Глеб Вышинский...» – оно и есть), выполненные шрифтом школьной прописи.

Написано: «Самое дорогое у человека – это жизнь» (цитата из монолога Павки Корчагина). А нарисован портрет человечка, держащего лозунг «На свободу с чистой совестью». Это из серии «Фундаментальный лексикон» – цветные рисунки на донце, по бортику – надписи, а край тарелочки – такой, что можно «от восторга обмереть» (как выразилась бы героиня провинциального романа). Он синий с золотом (об этом – ниже).

Разрыв между словом и изображением – в основе поэтики этих тарелочек. Этот разрыв каждый зритель может заполнить по-своему, находя собственные ассоциации между интимными воспоминаниями Льва Рубинштейна и шаблонными плакатными картинками или между бессмертными словами Павки Корчагина и ритуальными брускинскими фигурками. Но можно и не искать в этих тарелках никакого иного смысла, кроме декоративного. В чем вся их прелесть? Они созданы как прекрасный интерьерный предмет. Подарок на день рождения. Или на годовщину похорон.

О синем крае тарелочек можно слагать поэму. По кобальту глубокого и подлинного цвета, какой бывал только у настоящих сталинских тарелок, когда еще ни краски не жалели, ни денег, у самого края проходит еще один красочный слой – золотой, именно того прекрасного оттенка, какой бывал, когда для родины (и посуды) золота не жалели. А если приглядеться к золотистой полосочке, то видно, что она вся сплошь покрыта дубовыми листочками – таким сложным техническим приемом, про который в России помнят только антиквары (он называется «цировка»).

Производство фарфора – сложный технологический процесс. В него вовлечен не только художник, но также тот, кто наносит рисунок на белье (белье – основа для обработки неглазурованная тарелка) и занимается обжигом – мастер. Гриша Брускин ответил на вопросы «НГ» о том, как ему удалось возродить великую традицию сталинского подарочного фарфора.

– Наверное, сделать этот проект было очень сложно технологически, потому что индивидуальное фарфоровое производство так давно уже умерло в России. Как вам удалось добиться нужного эффекта?

– Это было непросто. Мне тоже казалось, что умерло. Поэтому было интересно попробовать. Но вначале, когда я приехал на Дулевский фарфоровый завод и мне сделали образец, я был просто в отчаянии от того, что никогда в жизни я не буду с этими людьми работать, никогда в жизни здесь не удастся что-либо сделать, потому что это было просто за пределами добра и зла. Второй образец тоже был очень плохой, но он был настолько лучше первого, что я понял, что работать можно. И потом было много-много-много неудач, но в конце концов я обучил нескольких мастеров, которые меня тоже многому научили. И сейчас работают прекрасно. Если не запивают время от времени.

Проблемы есть. Вы можете, например, договориться, приехать заранее из Нью-Йорка, а мастер вдруг поехал отдыхать в Испанию. Или другой мастер клялся, что все сделает к определенному числу, когда мне это нужно, а когда я приехал, мне сказали, что он уже месяц пьет и не приходит на работу. Такая российская экзотическая действительность. Она не благоприятствует работе. Но тем не менее все это имело смысл, потому что результаты, на мой взгляд, – замечательные. Я очень люблю этот проект.

– А белье тоже было русское?

– Белье в основном русское. Есть и нерусское. Например, серия «Азбука» у меня существует и на русском белье (это серый фарфор), и на иностранном. Я сделал специально и на том, и на другом – чтобы сравнить. И все-таки там, где много белого, где белое важно именно как чистое ничто, как чистая страница, на которой возникает маленький образ, – там я использовал белье из-за границы. А, например, серия «Азбучная истина» сделана на сермяжной российской «тарелке мелкой», из которой ела вся страна. Серия «Алефбет» сделана на советском белье. Естественно, скульптуры – это советское белье.

– По-моему, традицию золотого края и цировки уже давно утратили. Вы заново восстанавливали технологию?

– В какой-то степени. Дело в том, что в последний раз это делали в пятидесятых годах для каких-то кремлевских заказов. Но дело в том, что для «Фундаментального лексикона» мне была важна именно эта лапидарная роскошная техника, которую использовали советские мастера в 30–40–50-е годы. Так создавались сервизы для советских генералов, победивших во Второй мировой войне, – там были потрясающие вещи, которые никогда не были ни опубликованы, ни изучены, к сожалению. Поэтому мне это было важно. Нашли мастеров – старичков, которые помнили всякие секреты, говорили, предположим: «Чтобы вот это золото хорошо легло, в него нужно плюнуть...»

– То есть все было построено на плевках старых мастеров?

– Золото, старый кобальт – там были нужны консультации у старых могикан, которые еще существуют.

– Некоторые изображения перешли на тарелки из предыдущих работ, а некоторые специально разработаны для тарелок?

– Изначально была идея не приспособиться к фарфору, а приспособить фарфор к себе. Поэтому мне хотелось не разработать, а реализовать уже известные мотивы и серии, создав совершенно новые по существу предметы. Одно дело, когда это в картине, и другое дело, когда это – действительно живой предмет, фарфоровая статуэтка – функция предмета становится иной. Конечно, здесь есть новые мотивы, новые сюжеты, но в общем – это одна из ипостасей.

– Все тарелки – выставочные. А разработать настоящий сервиз с мотивами «Фундаментального лексикона»...

– Слабо. Может быть, когда-нибудь я вернусь к фарфору и скорее всего – вернусь. Потому что это безумно привлекательная техника.

– Сервиз Брускина...

– Что касается серии «Азбучные истины» – в ней 34 тарелки. Когда в декабре я буду делать выставку в Петербурге, я планирую пригласить 34 человека, сервировать эти тарелки и съесть там что-нибудь – например, гречневую кашу.

– Ну это варварство!

– Но такая акция задумана. ■

Гриша Брускин и его фарфоровые герои. Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Независимая газ. – 2001. – 19 окт. – С. 8.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Гриша Брускин родился в Москве 21 октября 1945 года. В 1969 году был принят в Союз художников по секции живописи, в том же году написал первую картину, связанную с еврейскими преданиями. 1976 год – первая однодневная выставка Брускина в Доме художника на Кузнецком. С 1980-го он создает свои серии «Алефбет» (иудейские мотивы), «Фундаментальный лексикон» (коммунистическая мифология) и др. В 1983 году проходит персональная выставка Брускина в Вильнюсе – за ней следует товарищеский суд над художником. Выставка Брускина 1984 года в ЦДРИ была закрыта на следующий день.

1987-й – решительный перелом в судьбе художника. Он участвует в неподцензурной выставке «Художник и современность» на Каширке, первую часть его картины «Фундаментальный лексикон» приобретает Милош Форман – знаменитый американский режиссер (и в прошлом – беглец из социалистической Чехословакии). 7 июля 1988 года – пик славы Брускина: 6 его работ проданы с московского аукциона Сотбис за невероятные деньги. Так началась новая (последняя) эпоха для советского искусства и новая жизнь Брускина. В 1988 году он переехал в США.

Сегодня Гриша Брускин – один из самых известных русских художников (хотя и живет за рубежом). Его произведения хранятся в МОМА (Нью-Йорк), Музее Людвига (Кельн), государственных музеях Берлина, Русском музее (Петербург), ГМИИ им. Пушкина (Москва) и в других музейных и частных коллекциях по всему миру. Он работает в Нью-Йорке, но довольно часто наведывается в Москву. Книга его воспоминаний была опубликована в этом году Издательством «НЛО».